

Ф. И. Джаубаева

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ –
СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ НА КАВКАЗЕ
(на примере произведений М. Ю. Лермонтова)**

В статье отражаются этнокультурные традиции и обычаи народов Кавказа в произведениях М. Ю. Лермонтова, представляющие интерес, как для лингвистов, так и для этнографов, историков и культурологов. Этнолингвистика изучает язык в аспекте его соотношения с этносом (язык: этнос), а язык считается основным, ярчайшим и устойчивым показателем этноса. Небезынтересной представляется нам разработка актуальной и научно значимой проблемы – языковые связи и отношения русского народа и горцев на Кавказе во второй половине XIX в. Важным аспектом, на наш взгляд, является более детальное рассмотрение истоков русско-кавказских языковых контактов.

F. Dzhaubaeva

**ETHNOCULTURAL PHENOMENA
AS A WAY OF CAUCASIAN LANGUAGES' INTERACTION
(by the example of M. Lermontov's works)**

The article is devoted to ethnocultural traditions and customs of Caucasian peoples in M. Lermontov's works, which are of interest to linguists, ethnographers, historians and culturologists. Ethnolinguistics studies language in the aspect of its correlation with ethnos, and language is considered as a basic and steady parameter of ethnos. Special attention is paid to the relevant and scientifically significant problem – language connections and relations of Russian people and Caucasian mountaineers in the second half of the 19th century. In the author's opinion, it is important to consider the sources of Russian-Caucasian language contacts more thoroughly.

К настоящему времени этнологическая наука представляет собой довольно сложную и разветвленную систему знаний. Этнолингвистика приближается по своему

предмету и целям исследования к этнологии и занимается исследованиями функционирования языка как одной (хотя и весьма специфичной) из культурных подсистем,

способной поставлять информацию о прочих, так называемое «этнознание». Судьба языка и судьба этноса всегда были тесно связаны, поэтому необходимо обращение к этнической истории носителей языка.

Кавказ — один из интереснейших историко-культурных регионов России. Он представляет исследователю богатый и многообразный материал, позволяющий рассмотреть различные проблемы. Наиболее актуальной была и остается на Кавказе проблема многоязычия. Многоязычие — во многом своеобразный отправной пункт различных этнических процессов. Ю. В. Бромлей под «этническими процессами» подразумевает «любое изменение того или иного компонента этноса»¹. Поэтому в поле зрения исследователя оказывается множество самых разнообразных проблем, так или иначе связанных с этническим развитием народа.

Контакты русских с народами Кавказа и Закавказья существовали издавна, но особый интерес России к этим контактам и народам, проживающим на этих землях, проявляется в конце XVIII — начале XIX вв. Повышенный интерес в это время объясняется тем, что Россия была заинтересована в укреплении экономических и политических связей с Кавказом и Закавказьем.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть, как русский писатель посредством языка показал влияние этнокультурных традиций и обычаев кавказских горцев и их воздействие на взаимоотношения двух народов. Обращается внимание главным образом на повседневный контакт, рассматриваются особенности языка и поведенческие нормы при непосредственном общении. Сближение контактирующих этносов определяется культурной политикой царских властей. Чем больше роль межэтнической передачи информации, тем большее влияние могут оказать межличностные отношения.

При анализе этнокультурных традиций, в том числе и процессов, связанных с межэтнической трансмиссией информации, можно выделить два аспекта. Первый из

них — изменение самих элементов культуры, их внутренней структуры: заимствование словарного запаса, творческое усвоение элементов иноэтнической художественной культуры при создании произведений национального искусства, изменение самих поведенческих норм, обрядов и обычаев. Особую важность для лингвистов, на наш взгляд, представляет второй аспект — распространение и передача через язык тех или иных элементов культуры данного этноса среди русского народа. Например, в турецкой сказке «Ашик-Кериб» авторские ремарки встречаются довольно часто: «...играя на саазе (*балалайка турецкая*); ...и одна из них, увидав спящего ашика (*балалаечник*), отстала и подошла к нему; ...Ана, ана (*мать*); ...Я бедный Кериб (*нищий*); ...Как тебя зовут? «Рашид» (*храбрый*) и др. (Ашик-Кериб)². Именно интенсивность восприятия элементов иноэтнической культуры в наибольшей степени зависит от степени и характера межэтнических отношений. Интенсивность такого процесса русский писатель показывает через каналы непосредственного общения.

Характер межэтнических отношений зависит от политических условий макросреды, направленной на присоединение Кавказского региона к России. Кроме того, межэтнические отношения зависят и от условий, складывающихся в микросреде (внутренние отношения между горцами Кавказа). В микросреде имеют значение такие факторы, как социальная структура контактирующих этносов, степень заинтересованности в контактах, традиции, общения, в том числе распространение языка межнационального общения. Одним из существенных условий общения является взаимопонимание между людьми. Л. С. Выготский писал, что общение — это «процесс, основанный на разумном понимании и намеренной передаче мысли и переживаний, требующий известной системы средств»³.

В мировой науке термином «традиция» обозначается специфический вид социального исследования, такой способ записи

информации, который ориентирован на точное воспроизведение прошлых образов социальности. «Это слово неопределимо. Долговечность его существования объясняется именно его неясностью... Буквально же это слово ничего не означает»⁴. Так писал о традиции известный французский театральный деятель Луи Жуве. Действительно, связь с прошлым, устойчивость тех или иных социальных явлений, воспроизведение прошлого в настоящем — эти черты, несомненно, характеризуют традицию. На наш взгляд, традиция есть некое связующее звено между культурами, осуществляющее их диалог. Диалог — самостоятельная, замкнутая структура. Строение диалога во многом определяется строением авторского повествования. Культурным фондом и традициями обладает любая более или менее устойчивая общность людей.

По МАСу: *Традиция — Исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды, вкусы и т. д.*⁵.

При изучении картины мира, отраженной в языке какого-либо народа, весьма эффективными являются методы теории семантического поля и идеографических классификаций лексики, достаточно глубоко разработанные в современной лингвистике. В то же время в исследованиях этнографов накоплен солидный фонд методологических принципов, основ и приемов описания истории традиционной материальной и духовной культуры.

Русская словесность XIX в. стояла тогда на более высокой ступени развития и оказывала прогрессивное, просветительское влияние на горцев. В то же время самобытность горцев, национальный колорит их искусства, произведения устного народного творчества, передаваемые микроэтнографическими текстами М. Ю. Лермонтова, явились питательной средой не только для русской поэзии, но и для русского народа.

Отметим, что вплоть до начала XX в. понятие традиции ассоциировалось с мифом, фольклором, религией, бытовыми

обрядами и вообще с архаическими способами культурного наследия. Молодой Лермонтов дает своеобразную характеристику горскому народу, подробно расписывая многие традиции и обычаи.

В этнической культуре, традициях и обычаях каждого народа сосредоточено его национальное богатство, которое обладает общими для всех культур нравственными принципами и представлениями о добре и зле, справедливости и честности, долге и чести. Каждая этническая группа, развиваясь веками в определенных географических, природно-климатических условиях, вырабатывает только ей присущие быт, мироощущение, миропонимание. Н. А. Бердяев, отмечая значение и тесную связь национального и общечеловеческого в национальной культуре, пишет, что «национальное и общечеловеческое в культуре не может быть противопоставляемо, общечеловеческое значение имеют вершины национального творчества»⁶.

В произведениях русских писателей А. А. Бестужева-Марлинского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и других на кавказскую тематику мы находим художественное отражение событий того периода и описание жизни, нравов, обычаев, многих этнографических особенностей народов, с которыми русские входят в непосредственный контакт. Известно, что контакты между представителями различных этнических групп приводят обычно к взаимовлиянию духовной и материальной культуры, а также языков этих народов.

Кавказская тема являлась труднейшим испытанием для самого автора, подвергая проверке самостоятельность и зрелость его мастерства. Было трудно писать по-новому и по-своему о вещах, для описания которых в литературе сложились поэтические штампы, признанные за образец для подражания, освященные восторгами читателей.

Анализ микроэтнографических текстов М. Ю. Лермонтова показывает взаимоотношения в полиэтнической среде. Разви-

тие культуры этносов в целом происходит под воздействием так называемых внеэтнических факторов, т. е. обусловлено характером отношений между народами. По этому поводу мы можем убедительно сказать, что без взаимного доверия между народами, какое-либо успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможно. Именно взаимное доверие между простыми русскими солдатами и кавказскими горцами прослеживается в произведениях М. Лермонтова. Вот рассказ Максим Максимыча из «Белы»:

«Раз приезжает сам старый князь звать нас на свадьбу: он отдавал старшую дочь замуж, а мы были с ним кунаки: так нельзя же, знаете, отказаться, хоть он и татарин. Отправились. В ауле множество собак встретило нас громким лаем» (Бэла)⁷.

Кунак по МАСу — у кавказских горцев: лицо, связанное с кем-либо обязательством взаимной дружбы, защиты, гостеприимства; друг, приятель⁸.

События, происходящие в обществе, не отражаются на взаимоотношениях между народами. Например:

«У князя в сакле собралось уже множество народа. Уазиатов, знаете, обычай всех встречных и поперечных приглашать на свадьбу. Нас приняли со всеми почестями и повели в кунацкую» (Бэла)⁹.

Данный отрывок еще раз подтверждает прекрасное знание автором традиций и обычаев горцев. Частое включение в ткань повествования наименований новых предметов, явлений и прочее, приводит к вхождению в язык новых слов. Здесь немало важное значение имеет, входит ли в быт другого народа новая реальность и в какой степени владеет писатель языком того народа, о котором он пишет.

В Закавказье и частично на Северном Кавказе в начале XIX в. широко распространенным языком торговли и межнационального общения был татарский (азербайджанский) язык. Описывая природу Кавказа, жизнь людей, их обычаи, писатель,

естественно, включал в свои произведения местные собственные имена, названия народов, проживающих на этой местности, и некоторое количество этнографической лексики. Для произведений кавказского цикла М. Лермонтова характерен экзотический, прежде всего восточный, колорит используемых лексических средств. Созданию этого колорита способствуют и слова — наименования предметов верхней одежды, распространенных у народов Кавказа. Употребление слов данной тематической группы помогает создать живое представление о характерных для горцев предметах, создать целый художественный образ, являясь изобразительным средством, служащим воспроизведению, жизни в особой форме художественного повествования.

В ранней романтической поэме М. Ю. Лермонтова — «Кавказский пленник» (1828), написанной на основании личных впечатлений и рассказов о быте и нравах кавказских горцев, поэт употребил слова «бурка», «шапка»:

*На каждом лук, кинжал, колчан,
И шашка на ремнях наборных,
Два пистолета и аркан,
Ружье; и в бурках, в шапках черных
К набегу стар и млад готов,
И слышен топот табунов.*
(Кавказский пленник)¹⁰

Лексикографическая трактовка слова «бурка» в русском языке такова: Даль: «Бурка ж. — войлочный, кошемный, валяный, овечий круглый плащ, съ привалянымъ къ нему снаружи мохнатымъ козьимъ руномъ; безрукавая епанча для вершника, оборачиваемая запахом отъ вѣтра»¹¹.

Как видно из словарной статьи, данное слово имеет определенные грамматические пометы — это существительное женского рода. Интересно отметить, что в Словаре Даля указаны не только формы, материал, из которого шили бурку, но и то, что значение слова «бурка» передается через слово «епанча». Таким образом, по данным Словаря Даля, лексемы «бурка» и «епан-

ча» — синонимы. С точки зрения современного состояния русского языка **епанча** — устаревшее слово, не входит в активный словарь русского языка.

В словарях современного русского языка дается следующее толкование этого слова:

С. И. Ожегов: «Бурка — длинный (или до колен) мохнатый плащ из тонкого войлока»¹².

МАС: «Бурка — род плаща или накидки на Кавказе из тонкого войлока с козьей шерстью»¹³.

Сравнивая наполнение словарных статей каждого из указанных словарей, следует отметить, что наиболее полное (включающее грамматическую семантическую характеристику, а также сведения о регионе распространения этого слова — «на Кавказе») толкование существительного «бурка» дано в Словаре русского языка в четырех томах. Несмотря на то, что в словарях нет специальной стилистической пометы, указание «на Кавказе» определяет его экзотический характер в русском языке.

С точки зрения семантической структуры существительное «бурка» однозначное, имеет одно прямое номинативное значение, в котором и употреблено в поэме «Кавказский пленник».

Лингвистический анализ произведений кавказского цикла М. Ю. Лермонтова, учет активности и частотности употребления той или иной лексической единицы анализируемой тематической группы показал, что слово «бурка» — активная единица словаря поэта. Приведем некоторые примеры:

*На бурке под тенью чинары
Лежал Ахмет Ибрагим,
И, руки скрестивши, татары
Стояли молча перед ним.
(На бурке под тенью чинары ...)*¹⁴

В приведенном отрывке экзотизм слова «бурка» оттеняется такими словами, как «чинара», «татары», именем собственным «Ахмет Ибрагим», которые придают определенную тональность.

Часто в произведениях подчеркиваются основные свойства бурки: удобство в дороге — ее можно было привязать к седлу, расстелить на земле, укрыться в непогоду и т. п. Особенности качества, формы, предназначения и цвета бурки:

*Потом, бездушное чело
Одевши буркою косматой,
Он вышел и прыгнул в седло.
(Хаджи Абрек)*¹⁵

*Скорее, путник одинокой!
Закройся буркою широкой,
Ремянный повод натяни,
Ремянной плеткою махни.
(Хаджи Абрек)*¹⁶

Исследователи языка М. Ю. Лермонтова отмечают, что одно из свойств языка поэта, один из самых характерных для него тропов — это сравнение. В этой функции слово «бурка» использовано Лермонтовым в поэме «Аул Бастунджи» (1833–1934), а также в «восточной повести», по определению Лермонтова, «Измаил-Бей» (1832), самой большой по объему и самой значительной из его ранних кавказских поэм:

*И сквозь него, прорезав половину
Косматых скал, как буркою, густым
Одетых мраком, дикую картину
Родной земли и неба красоту
Обозревал задумчивый Бешту.
(Аул Бастунджи)*¹⁷

В приведенных примерах слово «бурка» является художественно-изобразительным средством, придает тексту выразительность, что свойственно поэтическим произведениям. В творчестве Лермонтова этнографическая лексика в своей основе является восточной (тюркской).

К данной тематической группе относятся и следующие слова: **чекмень**, **бешмет**, **шапка**, — кроме функции называния, они придают описанию **местный колорит**, в чем заключается их особая стилистическая функция.

Единичными в произведениях М. Ю. Лермонтова являются слова **кафтан**, **кушак**, **чуха**,

среди которых последнее — отличается большей **непонятностью** для русского читателя. В примечании к произведению сам М. Лермонтов дает лексическое толкование слова, объясняя, его так: «*Чуха — верхняя одежда с откидными рукавами*». В современном русском языке это слово относится к пассивному запасу, является устаревшим. На устаревший его характер указывает косвенная помета в словарях русского языка — «распространенная в прошлом». В Словаре Фасмера происхождение этого слова определяется следующим образом: **Чуха** кафтан, верхняя одежда из синего сукна, кавк. (Даль). Из тур. Вульг соһа «длинный кафтан»¹⁸.

Интересное толкование существительного «чуха» находим в Словаре Даля: «Чуха ж. Чапанъ, кафтанъ синяго сукна. // Чепуха, чужь, нелѣпица. Запороть чуху»¹⁹. Второе значение у Даля в этом словаре появилось, видимо, в результате звуковой близости слов «чуха» и «чепуха», как нам представляется, это народная, ложно понятая трактовка. В современном русском языке слово «чуха» имеет следующее лексикографическое толкование:

МАС: «Чуха см. чоха, — и, ж. Верхняя мужская одежда, распространенная в прошлом у некоторых кавказских народов, напоминающая черкеску, но со стоячим воротником и рукавами до локтя» (тюрк. Чоха, чуха из перс.)²⁰.

Как видно из словарной статьи, авторы дают не только сведения этимологического характера, раскрывают грамматические особенности слова, здесь можно получить довольно полную этнографическую информацию о слове.

В рассматриваемый период в России тюркоязычные народы называли татарами (иногда дифференцировали: казанские татары, крымские татары и т. д.). О распространении «татарского» языка в 30-х гг. прошлого века писал сосланный на Кавказ декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, владевший свободно этим языком: «Татарский язык Закавказского края мало отличен от турецкого, и с ним, как с француз-

ским в Европе, можно пройти из конца в конец всю Азию»²¹.

Несколько позже такое же сравнение встречаем в известном письме Лермонтова к С. А. Раевскому (конец 1837 г.): «Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться»²².

Важнейшее средство общения и, следовательно, передачи этнокультурной информации — язык. Лингвистический анализ произведений М. Ю. Лермонтова позволяет раскрыть языковое поведение русского человека на Кавказе. Будучи филологически одаренным человеком, М. Ю. Лермонтов, изучив «татарский язык», передал достаточно емкую этнокультурную информацию. Проведенный анализ языковых средств показывает высокую степень знания молодым поэтом повседневной жизни горцев и «глубину» проникновения его в другую этническую среду.

Взаимопроникновение и взаимосвязи национальных культур многолики и многогранны. Заслуживает внимания тот факт, что информация, передаваемая Лермонтовым, несомненно, сближала Россию с народами Кавказа. Анализируя тексты кавказского цикла поэта, мы выделили и такую тематическую группу, которая объединяет слова, связанные с общим понятием — «религия». Сюда входят лексемы, называющие: а) имя бога в Исламе — **Аллах, алла**; б) посредника между богом и людьми — **пророк**; в) служителей религиозного культа — **мулла, муэцин** (орфография последнего приводится в соответствии с написанием у М. Ю. Лермонтова); г) предметы культа — **Коран, алкоран**; д) культовые сооружения у мусульман — **мечеть, минарет**; е) культовый обряд — **намаз**.

Народы Кавказа — герои произведений М. Ю. Лермонтова — мусульмане, последователи одной из мировых религий — ислама. Использование поэтом слов-экзотизмов религиозного характера еще раз под-

тверждает тот факт, что М. Ю. Лермонтову удалось понять изнутри уклад жизни, особенности мировоззрения, культуры горских народов Кавказа.

Обратимся к лингвистической характеристике названных слов, подтверждая их значения иллюстрациями из произведений М. Ю. Лермонтова. **Аллах** (араб.) — имя Бога в исламе²³. В Большом толковом словаре дается более детальная характеристика: «Аллах, -а; м. [араб. Allah]. [с прописной буквы]. В исламе: Бог, творец всего сущего»²⁴. Здесь же в качестве элемента словообразовательного гнезда приводится форма **Алла**, неизм.; м. = Аллах. Отсюда можно сделать вывод, что слова **Аллах** и **Алла** синонимичны между собой. Но, как считают исследователи, они различаются своим употреблением у разных народов Кавказа. **Аллах** — общетюркское, свойственное многим тюркским народам и вообще мусульманам, проживающим на Кавказе. **Алла** встречается у некоторых народов, исповедующих ислам. В произведениях М. Ю. Лермонтова встречаются оба этих слова. Употребительные у М. Ю. Лермонтова выражения «**велик Аллах**», подчеркивающие преклонение народов перед Творцом:

*«Велик Алла и Магомет!» —
Воскликнул князь.
(Измаил-Бей)²⁵*

Не единичны случаи употребления в кавказской лирике М. Ю. Лермонтова слов **аллах**, **валлах** (этимологически **ай Аллах**, **ой Аллах**, **ва /wa/ Аллах**, **о Аллах**) со значением междометия, выражающего просьбу, клятву:

*«Аллах всемогущий, — воскликнул он, —
если ты уж мне не помогаешь, то мне нечего
на земле делать», — и хочет он броситься с
высоты утеса»
(Ашик-Кериб)²⁶.*

В результате анализа слов тематической группы, обозначающей религиозные понятия горских народов, мы можем отметить следующее: с этимологической точки зрения все слова заимствованы из арабского языка, что объясняется историческими

фактами. В приведенных примерах из произведений М. Ю. Лермонтова слова религиозного содержания поддерживаются единицами подобной семантики, например: **ангел**, **божий** и др.

Описание повседневности, быта, обычаев и обрядов горских народов Кавказа было бы неполным без введения в текст слов экзотической лексики, особенно той, которая дается либо в переводе самого М. Ю. Лермонтова, либо передается фонетическими средствами русского языка.

Этнолингвистический анализ произведений М. Ю. Лермонтова позволяет выделить еще одну тематическую группу — праздники и обряды горцев — **байран** (орфография приводится по тексту М. Ю. Лермонтова), обычаи (погребения, свадьбы). Горский народный праздник **байран**, картины которого с детства запали в душу будущего поэта, М. Ю. Лермонтов поэтически воспроизвел в последствии в поэме «Измаил-Бей».

Праздник Курман-Байрам предполагает жертвоприношения Аллаху:

*Дни мчатся, начался байран.
Везде веселье, ликованья;
(Измаил-Бей)²⁷*

В данной работе мы остановились на описании тех тематических групп экзотизмов, которые наиболее частотны по употреблению в произведениях кавказской тематики М. Ю. Лермонтова.

Проникновение экзотизмов в русский язык, как отмечают многие исследователи, — живой, развивающийся процесс. Вводить экзотизмы в русский литературный язык нужно, соблюдая чувство меры. Писатель должен представить, какой отклик найдет у читателя то или иное необычно употребленное слово. Опыт писателей классиков (А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого) учит, что экзотическую лексику следует вводить в литературные произведения осторожно, с разбором, помня слова А. С. Пушкина о том, что «истинный вкус состоит ... в чувстве соразмерностей и сообразности». Изучение тек-

стов кавказского цикла показывает, что, несмотря на войну, между горцами и русскими солдатами развивается диалог. Это доказывает успешность коммуникации. Автор «Белы» включает в текст огромное количество экзотизмов. Экзотизмы среди заимствованных слов представляют собой лексический пласт, единицы которого характеризуют специфические национальные особенности жизни разных народов и употребляются при описании нерусской действительности. В произведениях М. Ю. Лермонтова экзотическую лексику мы условно разделили на: а) слова, имеющие все признаки заимствованных слов, но все еще в какой-то степени сохраняющие экзотическую окраску: **бай, басмач, джигит, ишак, кумыс, пиала, плов, шашлык**; б) собственно экзотизмы, т.е. слова, которые семантически еще не освоены и не употребляются регулярно: **арбакеш, ата, ахун, кетмень, мираб, нукер, табиб** и многие другие. На наш взгляд, необходимо отметить и точность словоупотребления:

«Эй, Азамат, не сносить тебе головы, — говорил я ему, — яман будет твоя башка!»²⁸.

По Этимологическому словарю русского языка М. Фасмера:

*Яман I. — «плохо»: ни яман, ни якши, а середня рука, вост.-русс. (Даль). Заимств. из тюрк. *jakšu* «хорошо» (см. *якшитесь*) и тат., крым.-тат., тур., чагат., уйг. *jaman* «плохо, плохой»²⁹.*

М. Ю. Лермонтов писал, что начал изучать «татарский язык», но не уточнил, какой именно. Среди исследователей творчества М. Ю. Лермонтова нет единого толкования этого высказывания поэта. И. Л. Андроников, М. Г. Рафили, А. В. Попов, М. С. Михайлов и другие полагают, что Лермонтов под татарским языком имел в виду азербайджанский. Однако позже языковед В. И. Филоленко высказал иное мнение: он совершенно справедливо писал, что «в эпоху Лермонтова под татарским языком понимали все тюркские языки Кавказа, а именно: кумыкский, ногайский, балкарский, карачаевский, азербайджанский»³⁰. И так, тюр-

кская лексика встречается в речи нерусских персонажей. Автор вводит эти местные слова с целью передать некоторые особенности речи аборигенов.

Этнолингвистический анализ произведений М. Ю. Лермонтова еще раз подчеркивает точность и правильность передачи информации о кавказских горцах читателю России. По материалам кавказских текстов М. Ю. Лермонтова, мы можем сказать, что разные народы, несмотря на военные действия, не прерывали взаимообщение. Они продолжали перенимать друг у друга нормы межличностного общения. Активно заимствовались оружие, одежда, пища и некоторые обычаи и нормы поведения. Следовательно, читающая Россия стала изучать Кавказ не по научным трудам, а она познакомилась с Кавказом, именно с этнографией Кавказа, с обычаями горцев через произведения русских писателей.

Вопросы взаимоотношений России и народов Кавказа всегда были и остаются достаточно актуальными. «Научно обоснованный и наглядный показ того, с каким глубоким уважением и искренней любовью относились к горцам передовые представители русской интеллигенции <...> может внести позитивный вклад и в решение межнациональных взаимоотношений»³¹.

Соотношение язык — этнос — культура занимает авангардные методологические позиции в системе всякого гуманитарного знания, и обойтись без ее помощи при изучении языковых особенностей художественных текстов невозможно.

Таким образом, исторические факты и материалы конкретных лингвистических исследований дают основание сказать, что межнациональные языковые отношения сказываются на сближении контактирующих народов. Каждый этнос обладает определенным культурным и языковым своеобразием. Неповторимость отдельного народа сопряжена со спецификой ментальных ориентиров и установок, своеобразием национальной картины мира, этническим самосознанием.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. — М.: Наука, 1973. — С. 173.
- ² Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Проза. Письма. Примечания И. Л. Андроникова. — М.: Художественная литература, 1976. — С. 325–328.
- ³ Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. — М., 1956. — С. 21.
- ⁴ Жуве Л. Мысль о театре. — М., 1960. — С. 154.
- ⁵ Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд. стереотип.— М.: Русский язык, 1981–1984. Т. IV. С–Я. 1984. — С. 396.
- ⁶ Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. — М., 1990. — С. 19.
- ⁷ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 томах. Т. 4. Проза. Письма. Примечания И. Л. Андроникова. — М.: Художественная литература, 1976. — С. 14.
- ⁸ Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд. стереотип.— М.: Русский язык, 1981–1984. Т. IV. С–Я. 1984. — С. 149.
- ⁹ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4: Проза. Письма. Примечания И. Л. Андроникова. — М.: Художественная литература, 1976. — С. 14.
- ¹⁰ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2: Поэмы и повести в стихах. 1828–1841. Примеч. И. Л. Андроникова. — М.: Художественная литература, 1948. — С. 123.
- ¹¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. — М.: Русский язык, 1978. Т. 1. — С. 145.
- ¹² Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1981. — С. 56.
- ¹³ Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд. стереотип. — М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1. А–Й. 1985. — С. 153.
- ¹⁴ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1: Стихотворения. 1828–1841. Вступ. ст. и примеч. И. Л. Андроникова. — М.: Художественная литература, 1975. — С. 499.
- ¹⁵ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2: Поэмы и повести в стихах. 1828–1841. Примеч. И. Л. Андроникова. — М.: Художественная литература, 1948. — С. 342.
- ¹⁶ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2: Поэмы и повести в стихах. 1828–1841. Примеч. И. Л. Андроникова. — М.: Художественная литература, 1948. — С. 343.
- ¹⁷ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2: Поэмы и повести в стихах. 1828–1841. Примеч. И. Л. Андроникова. — М.: Художественная литература, 1948. — С. 315.
- ¹⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. (Т–ящур). — М.: Прогресс, 1973. — С. 388.
- ¹⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. — М.: Русский язык, 1980. — Т. 4. — С. 616.
- ²⁰ Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд. стереотип.— М.: Русский язык, 1981–1984. — Т. IV. С–Я. 1984. — С. 684.
- ²¹ Второе полное собрание сочинений А. Марлинского. — СПб., 1847. — Т. I. Ч. 2. — С. 114.
- ²² Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. — М., 1948. — Т. 4. — С. 433.
- ²³ Большой энциклопедический словарь. — 2-е изд., пер. и доп. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1988. — С. 36.
- ²⁴ Большой токовый словарь. — С. 35.
- ²⁵ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2: Поэмы и повести в стихах. 1828–1841. Примеч. И. Л. Андроникова. — М.: Художественная литература, 1948. — С. 258.
- ²⁶ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4: Проза. Письма. Примечания И. Л. Андроникова. — М.: Художественная литература, 1976. — С. 326.
- ²⁷ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4: Проза. Письма. Примечания И. Л. Андроникова. — М.: Художественная литература, 1976. — С. 204.
- ²⁸ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Проза. Письма. Примечания И. Л. Андроникова. — М.: Художественная литература, 1976. — С. 14.
- ²⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. (Т–ящур). М.: Прогресс, 1973. — С. 556.

³⁰ *Филоленко В. И.* Восточная лексика в произведениях М. Ю. Лермонтова // Вопросы современного русского языка и истории его развития: Науч. тр. Краснодарского государственного педагогического института. — Краснодар, 1966. — Вып. 54. — С. 193.

³¹ *Джаубаева Ф. И.* Лингвоэтнографические комментарии в текстах А.А. Бестужева // Языковые и культурные контакты различных народов: Сб. ст. Международной научно-методической конференции. — Пенза, 2007. — С. 108.